

УДК 94 (44)

Олена Булдакова*

ВІДРОДЖЕННЯ ІДЕЇ ГРАДА БОЖОГО У ТВОРАХ ФРАНЦУЗЬКИХ ВЧЕНИХ кінця X — першій третини XI ст.

В умовах есхатологічних очікувань на зламі X–XI ст. в західноєвропейській літературі була відроджена ідея Граду Божого — образу досконалого християнського суспільства. Над проблемою його організації та устрою працювали і французькі інтелектуали, такі як Аббон Флерійський, Дудон Сен-Кантенський, Жерар Камбрейський, Адальберон Ланський. У даній статті розглядаються окремі твори вчених, в межах яких були представлені їхні політичні концепції. Автором проводиться аналіз змісту теорій, встановлюються смислові зв'язки між ними, визначаються їхні спільні та відмінні компоненти. Дослідження ґрунтується на роботі з опублікованими джерелами та широким історіографічним матеріалом.

Ключові слова: *кльонійська реформа, ідея Граду Божого, Августин Блаженний, політична концепція, християнське суспільство, ієрархія, стан, порядок, клірики, миряни.*

Восстановление духовной жизни западной церкви, которое началось благодаря усилиям клюнийских реформаторов во второй половине X века, в значительной степени способствовало возрождению образовательных традиций. Во многих монастырях была возобновлена деятельность школ и скрипториев, интеллектуальная работа активизировалась и в кафедральных школах французского королевства. Именно здесь в условиях эсхатологических ожиданий рубежа тысячелетий ученый мир вновь обратился к изучению Священного Писания и трудов отцов церкви, в частности, св. Августина, с тем, чтобы приблизиться к идее Града Божьего, выступающего в сознании средневековых людей гарантом их вечного спасения.

Над проблемой создания образа Божьего града в его земном воплощении трудился такой выдающийся ученый как Аббон Флерийский (ок. 940–1004) — настоятель аббатства Сен-Бенуа-сюр-Луар. Имея непосредственное отношение к ордену реформаторов, он активно боролся за чистоту монастырских нравов и был ревностным защитником прав церкви, прежде всего, церкви монашествующей. Аббону принадлежит труд, составленный им около 991 г. и известный под названием «Собрание канонов» («Collectio canonum ad Hugonem et Robertum

---

* Олена Булдакова — кандидат історичних наук, докторант кафедри історії давнього світу та середніх віків Київського національного університету ім. Т. Шевченка.

reges»)¹. Формируя для первых двух королей из династии Капетингов эту подборку юридических текстов, аббат преследовал достаточно конкретную цель: он стремился избавить монастыри от власти епископов, а точнее, Флери от власти Орлеанского прелата. Аббон также желал закрепить за Сен-Бенуа статус королевской обители и занять место советника при Гуго Капете, потеснив, таким образом, главу орлеанской кафедры Арнульфа. Но приватность цели, обусловившей появление этого труда, тем не менее, не умалила его значимости. Сочинение Аббона Флерийского сыграло значимую роль в процессе формирования официальной политической идеологии в период становления новой королевской династии во Франции. На его страницах ученый ясно обозначил властные полномочия представителей христианского сообщества: в частности, он определил список королевских функций, а также задачи духовного сословия, какими они виделись в это время сторонникам церковных реформ.

Подробное описание обязанностей монарха представлено в третьем и четвертом разделах «Собрания канонов». Прежде всего, он пишет об общественном долге короля, связанном с защитой страны, церковью, бедных, вдов и сирот. Аббат также перечисляет качества, которыми должен обладать монарх, чтобы достойно исполнять свои функции. Самым важным в этом списке для Аббона было присутствие глубокой веры и набожность тех, кому предназначено управлять христианским миром. Значимым моментом его концепции власти являлась убежденность в том, что высокое положение и особые функции короля предполагают службу и верность ему других людей. «Князьям земным надлежит подавать королю советы и помощь, к чему понуждает их честь, со всей почтительностью»². Но, в первую очередь, для наведения порядка в стране королю требуются советы и помощь людей церкви³, среди которых первым он желал видеть себя. Подборка канонов, которую осуществил аббат на страницах своего сочинения, однозначно свидетельствует о его желании укрепить позиции королевской власти, заинтересованность в которой проистекала из насущной необходимости защиты церковью и монастырями королевства от бесконечных грабежей и нападений светских сеньоров. Кроме того, очевидны его усилия, направленные на восстановление авторитета представителей духовного сословия.

Свои взгляды на принципы организации христианского общества Аббон Флерийский продолжал развивать в трактате «Апологетик против Арнульфа, епископа Орлеанского, для Гуго и Роберта, королей Франции» («Apologeticum», 993 г.)⁴, также написанном с целью оправдания собственных властных амбиций. В духе клюнийской реформы на фоне ожидаемого конца света он возвышает в своем труде монашеское сословие, основываясь на высоком духовном достоинстве людей молитвы. Аббон утверждает, что далеко не все клирики соблю-

---

¹ Abbon de Fleury. *Collectio canonum ad Hugonem et Robertum reges* // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. Migne J. — P., 1854. — Т. CXXXIX. Col. 476–506.

² Ibid. — Col. 486.

³ Ibid. — Col. 487.

⁴ Abbon de Fleury. *Apologeticum* // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. Migne J. — P. 1854. — Т. CXXXIX. — Col. 463–472.

дают необходимые правила и ведут достойный своего сословия образ жизни и потому требует, чтобы два вида церковной деятельности и власти — монашеская и священническая — не смешивались⁵, таким образом, подводя к мысли о том, что епископская власть не может и не должна возвышаться над монастырями. Это требование во второй части «Апологетика» ученый подкрепил своим представлением о правильном социальном устройстве.

Интересно, что для описания подобающей структуры христианского общества Аббон использовал два типа социальной стратификации. В первом случае он включил в общественную систему всех людей, что было логично с его стороны в преддверии ожидаемого миллениума, и, таким образом, выделил три сословия, которые расположил и назвал следующим образом: первое — хорошее, второе — лучшее; третье — самое лучшее⁶. К первому сословию он отнес супругов обоого пола, ко второму — «воздержанных» и вдов, к третьему — монахов и девственниц. Очевидно, что критерием для создания идеальной социальной системы, члены которой направлялись к вечному спасению, послужил ключевой этический пункт клюнийской программы, поэтому представленную организацию венчали те, кто являлся беспорочным с точки зрения телесной чистоты. Иной критерий был использован Аббоном, когда он перешел к характеристике исключительно мужского сообщества. Здесь он снова выделил три сословия: мирян, клириков и монахов. Показательно, что состав первого сословия Аббон четко дифференцировал, состав же второго — сильно ограничил. Мирян, которых он размещал на нижней ступени общественной иерархии, аббат разделил на две категории: тех, кто добывает пропитание и тех, кто защищает церковь. К сословию клириков он отнес епископов, пресвитеров и дьяконов, так как только их считал достойными этого имени, поскольку они дают обет безбрачия. Клирики в его системе занимали среднее положение между мирянами и монахами, которые располагались им на высшей ступени общественной иерархии. «...Сословие клириков промежуточно между мирянами и монахами и столь же выше первого, сколь ниже второго»⁷. Отметим, что в рамках второй стратификации, наряду с этическим, в силу вступал критерий социальный, здесь градация сословий зависела не только от поведения, но и общественной значимости деятельности людей. Располагая монахов выше клириков на иерархической лестнице и, в целом, разделяя их, Аббон порывал с общепринятым каролингским представлением о структуре христианского мира, в рамках которого клирики и монахи составляли одно сословие, при том, что руководящая позиция принадлежала епископату. Эта была рефлексия соответствующих времени реальных событий и обстоятельств, свидетельствующая о возрастании авторитета монашества в христианском обществе на рубеже X–XI вв.

Однако уже в ближайшем будущем такая картина устройства христианского мира претерпит определенные изменения. Между 1015 и 1026 гг. будет написан

---

⁵ Ibid. — Col. 464.

⁶ Ibid. — Col. 463.

⁷ Ibid. — Col. 464.

труд, автором которого считается канонник и канцлер герцога Нормандского Дудон Сен-Кантенский (ок. 965–1043). Его книга называлась «О нравах и деяниях первых герцогов Нормандских» («*De moribus et gesta primorum Normanniae ducum*»)⁸ и, совершенно неслучайно, была посвящена советнику французского короля епископу Адальберону Ланскому (о заслугах этого ученого речь пойдет ниже). В частности, известный французский исследователь Ж. Дюби объяснял это посвящение тем, что в начале XI века в Нормандии подходил к концу процесс восстановления властных структур, и требовалось обосновать систему управления, в верхней части которой расположился бы светский клир.

Тем не менее, чтобы описать желаемое устройство христианского мира, движущегося к спасению на пороге миллениума, Дудон изначально прибегает к помощи монаха — аббата Мартина Жюмьежского. Именно его он призывает в советники герцогу Вильгельму и его устами излагает собственное видение Града Божьего в его земном образе. Интересно, что в своей первой части концепция общественного устройства Дудона очень близка размышлениям Аббона Флерийского: «Разумеется, существует порядок, и порядок этот троичен, вера в Христа растет в цене благодаря совместному труду мирян, каноников и монахов; работу эту нужно вести согласно догмату: «Троица в лицах; Бог единый в сущности»⁹. Однако далее мысль Дудона развивается в ином направлении. Поскольку перед приближенным клириком Нормандского герцога стояла задача разубедить Вильгельма в желании стать монахом (так как тот хотел гарантированно и в первую очередь обрести спасение), он утверждает идею, что все люди, исполняющие предназначенную им Богом работу, приближаются к спасению в равной мере. Дудон обозначает два пути достижения этой цели — «практический» и «теоретический». «Практический» путь предполагает работу в мире: это труд каноников, иначе говоря, светского клира, которому должны подчиняться миряне, также выполняющие свои земные обязанности. Итак, по «практическому» пути к спасению у Дудона движутся два сословия — каноники и миряне. «Теоретический» путь, максимально отвлеченный от мирской жизни, аббат считал значительно более трудным. По этому пути следуют только монахи. Разница между двумя обозначенными ученым путями, очевидно, состоит в видах деятельности и, главное, способах жизни и уровнях нравственности каждого из названных сословий. Поэтому Дудон однозначно возвышает монашеский порядок над другими, выделяет его, но, как мы видим, не считает «теоретический» путь единственным, ведущим к спасению. Более того, не монахам, в отличие от Аббона, он подчиняет мирское сословие, возглавляемое королями (герцогами), Дудон возвращается к каролингской системе организации власти, в рамках которой светские правители оказывались в сфере влияния епископата.

---

⁸ Dudo decanus S. Quintini. *De moribus et gesta primorum Normanniae ducum* // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. Migne J. — P., 1853. — Т. CXLI.

⁹ Ibid.

Таким образом, в работе Дудона Сен-Кантенского чувствуется некоторое переходное состояние политической мысли. С одной стороны, она связана со временем, когда неоспоримым авторитетом пользовалось реформированное монашество и настоятели монастырей были ближайшими помощниками монархов. Как видно на страницах книги нормандского герцога наставляет не сам Дудон, а аббат Мартин, и монашеское сословие представляется автором — каноником, отделенным от других общественных порядков и возвышенным над ними в силу своих духовных заслуг. С другой же стороны, в ней становятся ощутимыми новые властные претензии, которые исходят от светского клира, желающего восстановить свое положение в христианском сообществе. Понадобится совсем немного времени, чтобы эти претензии окрепли и получили обоснование в рамках очередных образов-концептов Града Божьего. За это дело со всей присущей хорошим ученым скрупулезностью возьмутся епископы Жерар Камбрейский и Адальберон Ланский.

Чтобы составить представление о политических взглядах Жерара Камбрейского (ок. 965 — ок. 1037), прежде всего, необходимо обратиться к содержанию трех речей, которые произнес этот епископ в промежутке между 1023 и 1025 годами в Компьене, Дуэ и Аррасе. Тексты, в которых воспроизводится компьенская речь и речь в Дуэ приводятся, соответственно, в 27 и 52 главах «Деяний Камбрейских епископов» («*Gesta episcoporum Cameracensium*»)¹⁰, что же касается его третьей речи, то мы будем ссылаться на ее текст, опубликованный в латинской серии издания Ж. Миня («*Acta synodi Attrebatensis*»)¹¹.

Первую из упоминаемых речей Жерар Камбрейский произнес на ассамблее в Компьене, созванной 1 мая 1023 г. Робером II Благочестивым. Это собрание первых людей французского королевства было организовано, чтобы обсудить состояние дел в государстве, которое по причине бесконечных сеньориальных распрей и войн внушало большое беспокойство. Епископы Гарен Бовезийский и Бери Суассонский, очевидно, поддавшись влиянию бургундских реформаторов, отстаивавших принцип равенства всех людей перед Богом, представили здесь свой способ установления «божьего мира», который предусматривал прямое участие священнического сословия, а также всех без различия светских сеньоров в наведении порядка в королевстве. Однако их предложение оказалось абсолютно неприемлемым для епископа из Камбре. По мнению Жерара забота о мире возлагалась Богом только на двух лиц — короля и епископа: первому из них было предоставлено право сражаться, чтобы подавлять мятежи и поддерживать мир, второму — молиться и наставлять монархов. «Таким образом, дело королей — подавлять волнения, прекращать войны, вести мирные переговоры, епископы же должны напоминать королям, чтобы те сражались ради блага

---

¹⁰ *Gesta episcoporum Cameracensium III* // *Monumenta Germaniae Historica. SS, VII.* — Hannover, 1846. — S. 465–489.

¹¹ *Acta synodi Attrebatensis manicheos (1025)* // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. Migne J. — T. CXLII. — Col. 1289–1309.

родины, и молиться за их победу»¹². При этом ни епископы, ни кто-либо другой из священнического сословия в силу своего положения не имеет права братья за оружие. Не имеют права первыми начинать войну и сеньоры, и чтобы доказать правоту Камбрейского епископа в 37 главе «Жесты» приводится рассказ о мирных переговорах Робера Благодетельного и императора Генриха II, которые состоялись несколько позднее, в августе 1023 г. в Ивуа. Здесь оба монарха пришли к согласию в том, что справедливый мир, установленный в соответствии с божественным замыслом, должен охраняться только королями, которые являются единственными священническими особами среди мирян и представляют на земле царский образ Христа¹³.

Однако в следующем 1024 г. Жерару Камбрейскому снова пришлось вступить в борьбу с теми, кто не хотел признавать это условие. Речь, которую он произнес в Дуэ, как и компьенская речь, была, прежде всего, направлена против епископов, которые продолжали непосредственно участвовать в процессе установления мира, иначе говоря, в военных действиях, внедряясь, таким образом, в сферу королевских функций. Стилистика и характер этой речи отличались большей категоричностью и жесткостью, по сути, она состояла из перечня запретов и угроз, адресованных тем, кто продолжал, так или иначе, нарушать «божий мир». Осуждая войны в целом, Жерар особо выделял справедливые сражения, вести которые предназначено только королям¹⁴. Но чтобы король мог определить, какая война является справедливой, и получить для ее ведения меч и благословение, он обязан слушать советы своих епископов — единственных носителей божественной мудрости.

В целом же, образ идеального христианского общества виделся Жерару следующим образом: он представлял его состоящим из трех частей, и такое разделение по его твердому убеждению было установлено Богом. «...И определил Он, чтобы род человеческий изначально имел тройное разделение — на людей молитвы, земледельцев и воинов»¹⁵. Каждая из названных социальных групп при том, что вносит свою лепту в общее дело, в то же время нуждается в труде двух других. Тем, кто молится, необходимо покровительство со стороны воинов и пища, которой обеспечивают их земледельцы; земледельцы пользуются молитвами священников и защитой воинов; последние, в свою очередь, зависят от услуг людей молитвы и труда крестьян. И никто не вправе смешивать обозначенные функции, поскольку это влечет к нарушению установленного Богом иерархического порядка¹⁶.

Выступления Жерара Камбрейского в Компьене и Дуэ, достаточно ясно демонстрируют позицию епископа по отношению к власти и распределению общественных функций. Однако значительно более полную картину его пред-

---

¹² *Gesta episcoporum Cameracensium III // Monumenta Germaniae Historica. SS, VII.* — Hannover, 1846. — S. 474.

¹³ *Ibid.* — S. 480.

¹⁴ *Ibid.* — S. 486.

¹⁵ *Ibid.* — S. 485.

¹⁶ *Ibid.* — S. 486.

ставлений об организации христианского мира позволяет воссоздать его речь, произнесенная в Аррасе в январе 1025 г. В этом случае побудительным мотивом выступления епископа в кафедральном соборе стал прецедент обнаружения в провинции Артуа группы еретиков, которые утверждали возможность вечного спасения без помощи таинств и посредничества церкви, и, по сути, отрицали особые права и функции священнического сословия, иначе говоря, необходимость его существования для общества. Чтобы опровергнуть эту ересь, Жерар создал целую систему доводов и доказательств, обосновывающую правомерность и необходимость существования института церкви и установленной социальной иерархии, которую он последовательно изложил перед слушателями и обвиняемыми на судебном заседании в главном городском храме.

Исходным моментом рассуждений Жерара была аксиома, утверждающая принадлежность церкви как небесному, так и земному миру, а также констатация того факта, что на земле устройство Града Небесного дублирует христианское сообщество. Все, кто существует в обоих градах, находятся под властью одного правителя — Христа, который, в соответствии со своей двойственной природой исполняет две функции: священническую (совершая жертвоприношения) и царскую (он судит, воюет, обеспечивает христианский народ всем необходимым для жизни)¹⁷. В граде небесном осуществлять функции ему помогают ангелы, в граде земном обязанности Христа разделены пополам между епископами и королями, через которых в силу их миропомазания осуществляется право молиться и обеспечивать мир, а также право властвовать над всем остальным народом.

Поскольку иерархию чинов и обязанностей предполагает организация небесной церкви (ссылаясь, на тексты Ветхого Завета, Жерар говорит о том, что в этом безгрешном царстве существует два порядка ангелов, одни из которых приказывают, другие же им повинуются), соответственно, и в земном царстве такие различия должны существовать, тем более что в отличие от ангелов, люди являются существами грешными. В этом месте Жерар в качестве доказательства приводит цитату из книги Григория Великого «Моральные толкования на Книгу Иова», где утверждается, что причиной подчинения одних людей другим является их греховность¹⁸. Жерар также напоминает всем тем, кто его слушает, что уже в синагоге Бог, через посредство Моисея, учредил среди людей различные порядки, поэтому мирянин не имеет права облакать себя духовной властью священника, исполнять обязанности которого он не может, поскольку не обладает необходимыми знаниями¹⁹. Как мы помним, в своих предыдущих речах Камбрейский епископ с такой же убежденностью доказывал непозволительность посягать на провиденциально обозначенные функции короля. Таким образом, Жерар последовательно проводил мысль о том, что лишь

---

¹⁷ Acta synodi Attrebatiensis manicheos (1025) // Patrologiae cursus completus. Series latina / ed. Migne J. — T. CXLII. — Col. 1289–1309, Col. 1307.

¹⁸ Ibid. — S. 1308.

¹⁹ Ibid. — S. 1294.

определенным людям в земном царстве предназначено управлять и источником их власти является Бог.

В целом, аррасская речь Жерара Камбрейского не только опровергала доводы еретиков из Артуа и защищала позиции церковной иерархии, ее содержание на самом деле было значительно более широким. По сути, в ней было представлено видение средневекового христианского мира в его идеальном состоянии с точки зрения человека, который обладал теологическим знанием, глубокой верой и занимал в этом обществе положение, позволяющее созерцать его сверху.

Идеи Жерара Камбрейского были развиты его старшим коллегой и близким родственником Адальбероном Ланским (ок. 945–1031). Адальберон занимал епископскую кафедру Лана с 977 г. и длительное время являлся советником Гуго Капета, а, впоследствии, его сына Робера. Политическая теория Адальберона нашла свое выражение в сатирической поэме, посвященной королю Роберу («Carmen ad Rotbertum regem Francozum») ²⁰, которую он написал в форме диалога — беседы мудрого епископа с французским монархом. Здесь, как и прежде, мы снова сталкиваемся с тем фактом, что произведение было написано Адальбероном с определенной практической целью, кстати, прямо противоположной той, которую преследовал Аббон Флерийский, — он стремился вернуть епископам статус королевских советников, который те утратили в результате возвышения монашества. И главным оппонентом Ланского епископа выступил в этом случае не кто иной, как аббат Клюни Одилон, которого он называл «учителем воинствующего ордена монахов» ²¹ и обвинял во всех беспорядках, происходящих в обществе.

Поэма Адальберона состоит из четырех логично связанных между собой частей. В ее первой части епископ с возмущением описывает отношения, которые сложились во французском королевстве в результате реформационных преобразований клюнийцев; во второй части он рассказывает о желанном для него социальном порядке, который видит подобным тому, что установлен и соблюдается в царстве небесном; в третьем разделе Адальберон приводит рассуждение о двух природах церкви и излагает свое представление о правильном правлении; заключительную же часть поэмы он посвящает проблеме исправления состояния современного ему общества.

Более всего Адальберона не устраивает то, что обязанности советников короля выполняют монахи, а не хорошо образованные священники. Для епископа такое положение вещей является неприемлемым, поскольку монахов он считает, по сути, мирянами, не обладающими мудростью и отвергающими знание в силу того, что над ними не совершается таинство миропомазания. Исходя из этого, он утверждает, что их влияние на короля не может быть полезным, поскольку то, что они советуют, на деле приводит к смешению сословных функций и нарушению социального порядка. В частности, клюнийцы

---

²⁰ Adalbéron de Laon. Poème au roi Robert / Éd. et trad. C. Carozzi. — P.: les Belles Lettres, 1979.

²¹ Ibid. — v. 156.

несправедливо желают навязать королю и другим знатным людям запреты, которые должны исполнять только монахи. В свою очередь, молитву, которая является их первой обязанностью, они хотят военизировать и представить монашеское служение как сражение²². Лично Одилон он упрекает в узурпировании чужих прав и возмущается тем, что тот живет во дворце, при том, что должен жить как нищий, и молится папе вместо того, чтобы молиться Богу²³.

Порядок, о котором мечтает Адальберон, установлен и существует на небе, и для него очень важно, чтобы этот порядок стал известен и понятен королю, поэтому он не только уговаривает Робера обратить свое внимание ввысь, но и старательно объясняет ему организацию Божьего царства, убеждая его в том, что это царство управляется посредством разделения обязанностей и власти, и это разделение подчиняет одних людей другим²⁴. Как и Жерар Камбрейский, он стремится доказать божественную предопределенность существующего социального неравенства и обосновать право короля сохранять этот порядок в земном обществе. Источником представлений Адальберона Ланского об устройстве Божьего града являются те же труды, которые читал и его коллега, прежде всего, это было знаменитое сочинение Августина Блаженного «О Граде Божьем», книги Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» и сочинения Григория Великого, в частности, «Моральные толкования на Книгу Иова» и «Проповеди на Иезекииля»²⁵. Именно эти сочинения позволили воссоздать двум епископам образ Божьего града, в соответствии с которым должно устраиваться и человеческое общество. Представляя общественную иерархию в третьей части своей поэмы, Адальберон убеждает венценосного ученика в том, что ее учреждением должны заниматься только епископы²⁶. С этой целью он вводит рассуждение о двойственной природе церкви и двух законах. Поскольку церковь по своей природе является одновременно установлением небесным и земным, она должна следовать двум законам — божественному и человеческому. Божественный закон управляет на земле только священниками, которые в силу своего добровольного отказа от удовлетворения плотских потребностей и ручного труда, и, главное, в силу миропомзания становятся наполовину сопричастными ангельской природе и, таким образом, оказываются среди тех, кто непосредственно служит Богу²⁷. Именно этим объясняется их отличие и превосходство от других членов общества. Все же остальные люди подчиняются человеческому закону, который разделяет их на две части: знатных людей и сервов. Первым он предписывает власть и праздность, вторые же должны повиноваться и, тяжело работая, обеспечивать всем необходимым тех, кто над ними властвует²⁸. Резюмирует же содержание этого произведения фраза из заключительной части поэмы: «Божий

---

²² Ibid. — v. 127–128.

²³ Ibid. — v. 167.

²⁴ Ibid. — v. 193, 196–197.

²⁵ Ibid. — v. 228.

²⁶ Ibid. — v. 229–236.

²⁷ Ibid. — v. 257–258.

²⁸ Ibid. — v. 277–278.

дом тройственен, веруют же в Единого. Поэтому одни молятся, другие воюют, третьи трудятся, а вместе их — три разряда, и их обособление непереносимо. Ибо на служении одного покоятся дела двух других, и все в свой черед помогают всем»²⁹. В этом государстве знатные люди не должны посещать церкви по ночам, чтобы петь там псалмы, епископы и священники заниматься крестьянским трудом, чтобы обеспечивать пропитание, монахи же (что для Адальберона самое важное) должны находиться там, где им предписано, и не переступать своих пределов³⁰. Обязанность устраивать и охранять мир в соответствии с этим законом Адальберон возлагал на короля, единственного среди мирян, отмеченного таинством миропомазания. Епископ убеждал монарха в необходимости самому исполнять предназначенные ему Богом функции, и не допускать отступления от правил другими, поскольку смешение обязанностей и стирание различий между сословиями ведет к нарушению главного условия спасения — «божьего мира». Поэма Ланского прелата оказывалась весомым аргументом в дискуссии со сторонниками вторжения церкви в сферу королевских функций. По своей сути, идея тройственного строения христианского общества, представленная Адальбероном, была призвана не только обозначить границы сословий, и, вместе с тем, функциональную связь, существующую между ними, но, прежде всего, подчеркнуть гармоническое единство христианского общества, во главе которого в его земном существовании находился король.

Итак, четыре автора, и это были одни из самых образованных людей своего времени, сочли необходимым представить христианскому миру собственные проекты его реорганизации на пороге миллениума и приближающегося конца света. Они были современниками, выпускниками одной *alma mater* — Реймской кафедральной школы св. Ремигия, они знали друг друга, во всяком случае, друг о друге. Все четверо читали одни и те же книги, хранящиеся в библиотеках Реймса, Лана, Камбре, Шартра, принадлежали одному сословию, в определенной степени их объединяла и роль советников, которую они играли при своих суверенах. У трех из них и суверены были одни и те же — Гуго Капет и Робер Благочестивый. Казалось, их представления об идеальной организации христианского мира должны совпадать, если не полностью, то в своих ключевых моментах и формах. Но, как мы видим, при всей очевидной близости этих людей, их образы Града Божьего, странствующего по земле, истоком идеи которого было Священное Писание и знаменитый труд Августина Блаженного, на самом деле оказались достаточно разными.

Прочитанное ими в книгах подвергалось существенной корректировке жизненными обстоятельствами, кроме того, эти обстоятельства заставляли приспособлять одни и те же книжные аксиомы для обоснования иногда совершенно противоположных взглядов. Таким образом, каждый из ученых создавал такой образ Града Божьего, которой был наиболее приемлем с высоты занимаемого ими общественного положения. Интересен тот факт, что они

---

²⁹ Ibid. — v. 291.

³⁰ Ibid. — v. 412–416.

совсем не затрудняли себя проблемой представления своих политических концепций, их труды отличались большим жанровым разнообразием и, как мы видим, среди них не было ни одного теософского трактата.

В течение тридцати лет образ христианского мира, движущегося по пути спасения во главе отделенного от священников монашеского сословия, описанный в «Апологетике» Аббона Флерийского сменился образом Града, представленным в сатирической поэме Адальберона Ланского, в котором власть вершат короли, разделяя ее со своими ближайшими советниками — епископами. Концепции Дудона Сен-Кантенского и Жерара Камбрейского стали своеобразными соединительными конструкциями между этими двумя четко зафиксированными идеологическими позициями. Дудон при глубоком уважении и сохранении особого положения монахов в системе социальной иерархии, передал пальму первенства епископату, Жерар же вернул монашество в лоно церкви и отдал его под покровительство светских прелатов. Переходность также отмечается и в изменении взглядов на проблему трехчастного деления общества: если аббат и канонник предпочитают дробить духовное сословие, разделяя клириков и монахов, то два епископа считают необходимым дифференцировать мирское сословие (на тех, кто управляет и воюет, и тех, кто работает), сохраняя при этом единство церкви. В своей знаменитой работе Ж. Дюби объяснял такое различие мнений неустойчивостью политического устройства и неопределенностью способов осуществления власти в указанный период³¹. Тем не менее, несмотря на индивидуальность целей, и побудительных причин, которые спровоцировали появление этих теорий, несмотря на особенности их содержания, все они имеют одну общую точку соприкосновения — отношение к королевской власти. Все эти ученые однозначно рассматривают ее как богоустановленную инстанцию, предназначенную обеспечивать мир и единство христианского сообщества, таким образом, отражая генеральную политическую тенденцию своего времени — возвышение новой династии.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ГРАДА БОЖЬЕГО В СОЧИНЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ конца X — первой трети XI вв.

Елена Булдакова (кандидат исторических наук, докторант кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета им. Т. Шевченко)

В условиях эсхатологических ожиданий на рубеже X–XI ст. в западноевропейской литературе была возрождена идея Града Божьего — образа совершенного христианского общества. Над проблемой его организации и устройства трудились и французские интеллектуалы, такие как Аббон Флерийский, Дудон Сен-Кантенский, Жерар Камбрейский, Адальберон Ланский. В данной статье рассматриваются отдельные сочинения ученых, в рамках которых были представлены их политические концепции. Автором проводится анализ

---

³¹ *Duby G. Les trois ordres, ou l'imaginaire du féodalisme. — P., 1979.*

содержания теорий, устанавливаются смысловые связи между ними, определяются их общие и различающие компоненты. Исследование основывается на работе с опубликованными источниками и обширным историографическим материалом.

Ключевые слова: клунийская реформа, идея Града Божьего, Августин Блаженный, политическая концепция, христианское общество, иерархия, сословие, порядок, клирики, миряне.

REVIVAL OF IDEAS CITY OF GOD IN THE WRITINGS OF FRENCH SCIENTISTS END X — FIRST THIRD XI CENTURIES

Elena Buldakova (Candidate of Historical Sciences, doctoral student of the Department of ancient and medieval history of the Kiev National University Shevchenko)

In the eschatological expectations at the turn of the X–XI century in Western literature was revived the idea of the City of God — the image of a perfect Christian society. On the problem of organization and the device worked French intellectuals such as Abbon of Fleury, Dudon of Saint-Quentin, Gerard of Cambrai, Adalberon of Lane. This article presents selected works of scholars in which were represented by their political concepts. The author analyzes the content of the theory, establish meaningful relationships between them, and determine their common and distinguishing components. The study is based on working with the published literature and extensive historiographical material.

Keywords: Cluny reform, the idea of the City of God, Augustine of Hippo, a political concept, the Christian community, hierarchy, class, order, clergy, laity.